

ХОЗЯИН ЖИЗНИ – ЭТАНОЛ

Константин Александрович Уткин

Хозяин жизни – Этанол

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7063996
Хозяин жизни – Этанол / Уткин К. А.: Авторское; 2009*

Аннотация

Он входит в нашу жизнь под маской друга; он говорит, что вливает красноречие в уста молчунам, дает решительность робким и заразительную веселость стеснительным, он заставляет забыть про кривые зубы, спелые прыщи, сияющие лысины, впалые груди рыхлый жир. Он развязывает руки, языки и дарит предприимчивость при любовных свиданиях; он развеивает приступы вечерней печали и заставляет играть более яркими красками утреннюю бодрость. Он помогает творцам творить, подстегивая воображение. Он помогает молодежи приобщиться к взрослому миру...

И он, ненасытный, ежедневно требует новых жертв, и невинных пока людей продолжают вести к нему на заклятие...

Никто не видит себя деградировавшим существом, от резкой вони которого шарахаются даже собаки – когда под одобрительными взглядами рабов принимают первую рюмку из многих последующих. Никто не понимает, что не становится лучше и умнее, а лишь приближается к границе, жизнь за которой хуже смерти...

Никто по доброй воле не пойдет в смрадную трясины – поэтому стоящие в ней по пояс рабы с улыбочками берут под руки и помогают сделать первый шагок...

Содержание

Начало	6
Отец	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Константин Александрович Уткин

Хозяин жизни – Этанол

Он входит в нашу жизнь под маской друга; он говорит, что вливает красноречие в уста молчунам, дает решительность робким и заразительную веселость стеснительным, он заставляет забыть про кривые зубы, спелые прыщи, сияющие лысины, впалые груди рыхлый жир. Он развязывает руки, языки и дарит предприимчивость при любовных свиданиях; он развеивает приступы вечерней печали и заставляет играть более яркими красками утреннюю бодрость. Он помогает творцам творить, подстегивая воображение. Он помогает молодежи приобщиться к взрослому миру...

Все так... он рождает болтливость, которую скорее можно назвать словесным поносом – и собеседник в этом случае играет роль свободных ушей, не более того. Решительность как-то невзначай подменяется хамством и наглостью, за которые нормальному человеку становится стыдно. Он действительно отодвигает на задний план физические недостатки, устраняя само стремление к совершенству. Он развязывает руки и языки при свиданиях, это так, но все большие и большие дозы делают мужчину все меньше и меньше мужчиной. Он развеивает приступы вечерней печали, заменяя ее черной хмарью беспощадной тоски, от которой хочется рвать зубами вены и биться о стены головой. Утренняя бодрость сменяется разве что лихорадочной активностью – при этом совершенно бессмысленной и непродуктивной. Творцов он лишает главного – чувства меры... Молодежь он приобщает к миру грязи, предательства, проституции, деградации вплоть до полного оскотинения, вымирания.

На его счету еще много чего – разваленные топорами головы, вспоротые животы, пахнущие калом висельники с вывалившимися синими языками, трофические язвы на раздутых, багрово-лиловых ногах, недоразвитые уроды, выходящие из отравленного чрева, голодные дети с задержкой развития, сбитые машинами ни в чем не повинные люди, толпы отправленных в лагеря...

Он приходит в нашу жизнь звоном рюмок над колыбелью новорожденного; он остается в граненой стопке под черным ломтем после ее завершения.

Он заводит знакомства, он бросает в постель, он заставляет совершать необдуманные поступки и рушить карьеры, а иногда их строить, но приводя все к единому концу – он хозяйничает. Еще не было Хозяина на просторах несчастной страны, обладающего такой полнотой власти – царские династии и различные картавые и усатые самозванцы, уголовные диктаторы угрюмых северных земель по сравнению с ним картонные марионетки.

Вот он, настоящий бог – он многолик, вездесущ, неподвластен уму, и фактически неуязвим. Крестами на могилах уничтоженных им рабов можно покрыть несколько стран; из описаний разрушенных судеб составить библиотеку толстых томов; и ему поклоняются – кто-то явно и даже демонстративно, как мой бывший друг Лесин, кто-то тайно, обманывая себя и других, кто-то удерживаясь со все большим трудом на своем месте социальной лестницы, кто-то – давно и безвозвратно скатившись в самый низ.

Конечно, Хозяин слишком хитер для столь жестоких определений и всегда и оставляет лазейку для своих слуг и рабов. Можно отдавать ему свои силы и не сознавать этого и быть благодарным за каждый подлый удар, который Хозяин наносит по телу.

Рабы, которые безоговорочно и полностью отдали свою волю в Его распоряжение, обладают широким выбором убеждений. «Сто грамм для храбрости», для сугрева, для настроения, встретить, помянуть, отметить, залить горе, подчеркнуть радость, развеять хмарь...

И он, ненасытный, ежедневно требует новых жертв, и невинных пока людей продолжают вести к нему на закланье...

Мне тяжело про это писать. Моя история песьей службы Хозяину отличается от миллионов таких же историй только частностями. Но эти частности до сих пор саднят и кровоточат – хотя жизнь без хозяйского жестокого гнета стала легче и привлекательней во всех своих проявлениях.

Я знаю о комедийности некоторых записанных ниже отрывков. Не скажу, чтобы меня это радовало. Хорошо смеется тот, кто смеется последним – в этом случае последним всегда смеется Хозяин, Абсолютное зло, раздавив и уничтожив очередную судьбу. Юмор, который сопровождает приключения пьяных бедняг, сродни юмору висельников. «И сколько весит этот зад, узнает скоро шея».

Но даже с ними, с этими вызывающими улыбку и даже несущими некий ностальгический отблеск моментами за всеми строчками прослеживается встающая чернота и веет ледяной тоской – Хозяин никого не отпускает просто так. Плата, которую рабы отдают за свою свободу, изначальную и принадлежащую им по праву, не всякому под силу. Обычно к этому моменту от человека остается только внешняя оболочка, и оценить масштаб разрушений, который нанес Хозяин психике своего слуги, действительно невозможно.

Никто не видит себя деградировавшим существом, от резкой вони которого шарахаются даже собаки – когда под одобрительными взглядами рабов принимают первую рюмку из многих последующих. Никто не понимает, что не становится лучше и умнее, а лишь приближается к границе, жизнь за которой хуже смерти...

Никто по доброй воле не пойдет в смрадную трясины – поэтому стоящие в ней по пояс рабы с улыбочками берут под руки и помогают сделать первый шагок...

Начало

В принципе, если разобрать каждый конкретный случай алкоголизма – думаю, что везде есть одинаковые черты.

Бабка Маня, которая не пила сама – но всегда давала отцу на опохмелку. Бабка Аня, которая уже в последние дни, будучи фактически прикованной к постели – при чем, по видимому, добровольно, ноги у нее к тому времени и срослись и могли ходить – ни разу не моей памяти не отказалась от рюмочки беленькой. Конечно, она оставалась себе верна – как только чувствовала, что хватит, то переворачивала рюмку вверх дном. И все, заставить пить ее после этого было невозможно.

Дед Коля, который сжег себе легкие у кузнецкого горна, заработал эмфизему, но продолжал курить Беломор и регулярно пил. Впрочем, его я почти не помню – смятые папиросные гильзы в раковине гребешка, узловатые пальцы, хриплое дыхание и постоянное хулиганство. Мимо тещино дома... так вот жопу дед, старый охальник, показывал постоянно. Такая у него была шутка.

Хорошо помню, как дед выпил с дядей Андреем бутылку водки и потом, пошатываясь, пошел спать в большую комнату. Я, кажется, смотрел телевизор – он у них стоял без тумбочки, на длинных ножках на полу. Дед лежал на спине, и вдруг захрипел, забулькал, из уголка рта побежала кровь... я кинулся на кухню, крича, что дед умирает, мне никто не поверил, хорошо, что не отшлепали за такие шутки. Поверили, лишь когда у меня началась истерика...

В то время я жил у бабушки – мать заканчивала, по-моему, техникум, и на сына времени у нее, конечно, не оставалось. Воспитание бабки сводилось к тому, что она меня регулярно выгоняла гулять. А вот сам я пойти на улицу не мог – ну как это так, куда-то двинуться без горячо любимой мамочки?

В классе появился друг – Лешка Лукьянов, по – моему. Помню, что у него были прямые черные волосы. С ним вместе мы исследовали весь район – благо машин тогда практически не было, были густые заросли кустарника под окнами, деревья и отчего-то много дохлых кошек. Может, просто потому, что самих кошек был избыток? Коты орали по ночам дурными голосами и мешали спать. Мы бегали в зоомагазин на Щелковском шоссе – он до сих пор существует – покупали среднеазиатских черепах весной, они грудками лежали в сетчатых вольерах, и аквариумных рыбок. Первая рыбка моя была – петушок, синего цвета...

Лазили в нагромождения мрамора – прямо рядом с домом начиналась промышленная зона куда мы с опаской, но навевались. Огромные квадратные глыбы мрамора, хаотично наваленные, образовывали такой своеобразный лабиринт – вот в него мы и ввинчивались.

Матушку в это время я почти не видел – помню, как она в прихожей, приплясывая, потрясла какой-то синей корочкой. Это означало, что она получила диплом и помощь бабушки в воспитании сына больше не требуется...

И вот мы переехали на третий проезд Подбельского.

Помню, что добираться туда было довольно неудобно – от метро Преображенская площадь ходили три трамвая, четверка, тринадцатый и тридцать шестой. Самым удачным считалось попасть на четверку – она делала круг в том месте, где сейчас метро Улица Подбельского. Там находился домик диспетчерской, в которой водители отмечали путевые листы – в окружении огромных тополей и кустов шиповника.

В те времена с Хозяином я почти не сталкивался. А если и происходили какие-то встречи, то они носили исключительно отрицательный оттенок.

Я же любил отца – и просто так, и потому, что слишком редко его видел, и потому, что он никогда меня ни к чему не принуждал и не заставлял.

Я очень любил – и сейчас люблю – матушку.

И помню, как противно мне было видеть изменения моих любимых людей после первой же рюмки. Замедленно моргающие веки (кстати, ни один режиссер не обращает внимания на эту особенность пьяного человека – он очень медленно моргает. Он еще не начал нести пургу, еще координация движений более-менее нормальная ... но вот веки выдают с головой. Поэтому, кстати, все, кто изображает пьяного, выглядят дешевыми шутами.)

Воспоминания того времени очень смазанные и нечеткие – может быть, это следствие двадцати лет песьей службы Хозяину...

Какие-то шашлыки среди березовых стволов на нежной травке – закат, золотящий атлас белой коры, букетик ландышей, ноющее разноголосье лgnuщих к телу комаров, вечная горечь дыма и такая же вечная грусть... и ожидание – вот сейчас люди перестанут быть людьми. Сейчас они станут какими-то мерзкими, развязными и неестественными существами, не понимающими, когда надо остановиться...

Именно тогда матушка стала приучать меня к лыжам. Мы проходили мимо мяскокомбината – по плоской крыше складов бегали и облаивали нас здоровенные дворняги, переходили дорогу и вот она, зимняя сказка. Я уставал так, что едва ли не падал на лыжне – но, видимо, одновременно получал такое же удовольствие. Помню, что у меня не хватало сил застегнуть только что купленные жесткие крепления – может, дырки в кожаном ранте, проделанные неумелой женской рукой, были малы, или действительно не хватало сил – но я очень с ними мучился. Пока не догадался использовать палку вместо рычага.

«Все жили ровно, скромно так, система коридорная, на тридцать восемь комнаток – всего одна уборная» Да, именно так – на Третьем проезде мы были счастливыми хозяевами комнаты в коммуналке. Конечно, соседей было не тридцать восемь, такая экзотика даже в те года сохранилась только в некоторых старых домах центра – а всего лишь две комнаты. С одной стороны жила тетя Тамара – одна, сын появлялся время от времени между отсидками. С другой стороны – Любка, именно так ее и звали соседи, и я тоже не буду изменять традицию. Вот так. Две одинокие женщины с сыновьями и пьющая старуха...

Сейчас я понимаю, что Люка была просто несчастной одинокой бабой, и свое нереализованное либидо выплескивала в уборку. Даже паркет возле ее двери был темен от постоянного мытья и вздут... общение сводилось к небрежному «здрости» при встречах в коридоре – вешалки с вещами находились возле дверей и пересекались приходилось в любом случае.

Любка не пила, да и компаний у нее почти не водилось. Но вот с другой стороны, у тети Тамары веселые гоп-компании собирались регулярно. Меня они не беспокоили – стены сталинской пятиэтажки слабо пропускали звук, да и матушка туда регулярно наведывалась. Возвращалась довольная, покрасневшая, взбудораженная и отчего-то вдруг становившаяся до омерзения вульгарной...

Тетя Тамара не была совсем одинокой. Насколько я помню, даже со своей пенсии и работы – она ходила на соседний завод мыть полы – откладывала некую толику на возвращения сына. «Малой» как она его называла, дядя Саша – как называл его я – постоянно сидел, но и появлялся регулярно. По крайней мере худо– бедно видеть мне его приходилось.

Ну так вот он возвращался, пропивал все, что копила мать, потом пару раз приходил участковый – и дядя Саша шел опять на зону. Статья была всегда одна – тунеядство...

Только сравнительно недавно он стал жить так, как всегда стремился, когда за тунеядство сажать перестали. Он продал бабкину комнату, поселился у бывшей жены – деньги она частично пропили, частично забрала дочь Лидка. Ну а в остальном жизнь его фактически не изменилась – нары он сменил на диван, и продолжал сидеть, глядя в телевизор.

* * *

Наша жизнь, в общем, текла достаточно налажено – дед перед смертью успел отстроить дачу, и мы туда постоянно ездили.

Тетя Капа, работавшая медсестрой, привозила спирт. Все, собравшись в сарае, выпивали по рюмочке другой, ели – поесть у нас всегда любили – и шли спать. Когда же просыпались, начиналась обычная садовая возня.

Даче принадлежит мое знакомство с сигаретами. Мать курила «Столичные» в твердой пачке – по тем временам проявление определенного пижонства – и одну сигаретку я легко стырил. Дождался ночи – матушка частенько проявляла вольнодумие и давала мне некоторую свободу – сказал, что останусь смотреть на звезды. Не помню, увидел ли я что-нибудь на ночном небе, дожидаясь, пока все заснут – скорее всего сидел, замерев в предвкушении новых ощущений. Решив, что все уснули и оглушительного в ночной тишине звука чиркающей спички никто не услышит, я прокрался в туалет. Точнее нет, в туалет я прошел уверенно – а вот уже там затаился. И чиркнул, замирая, и прикурил...

И естественно, задал себе вопрос, именно тот, что задают себе все, впервые в жизни взявшие в рот сигарету – что они все в этих сигаретах находят? Смрад во рту и ожог легких? Так что вопрос – курить или не курить – на много лет отпал сам собой.

Честно говоря, не помню – где я впервые познакомился с Хозяином. Хотя... если брать более крепкий, сорокаградусный его эквивалент, то, без сомнения, в гостях у тети Капы.

Ее однокомнатная квартира на улице Приорова вообще дала мне, тогда подростку, довольно много в плане образования. Именно там я рассматривал Медицинскую энциклопедию и был ошарашен, увидев изображение женских внешних половых органов. Даже, можно сказать, испуган – настолько страшен был черно-белый рисунок. Потом тетка украсила стену в туалете (прибив для этого специальные полочки) грудастыми бритвами в нужных местах красотками... нужно ли говорить, что я бегал в туалет по поводу, но чаще все-таки без него.

Именно у нее я впервые в жизни услышал Высоцкого – и потрясение от его песен передать словами, мне кажется, невозможно. Помню, мы ждали троллейбуса на пустой зимней улице, в фонарном свете кружился легкий снег, а я все не мог успокоиться... «Здесь вам не равнина», «В суету городов и потоки машин»...

Потом я услышал на магнитофоне у соседа сверху «Две судьбы», «Балладу о детстве», и прочее, потом уже мне самому купили катушечник и многие годы самым надежным увлечением стало собирание песен. Так я и таскал эту свою «Язу», увесистый ящик с деревянной обшивкой, по друзьям и знакомым.

Именно у тети Капы я впервые принял власть Хозяина над собой и тогда началось это странное добровольное рабство – от которого я только сейчас делаю попытки освободиться. Смрадная яма, в которую рабовладелец вышвыривает свой скот – поскольку его рабы к тому времени окончательно теряют человеческий облик – подошла слишком близко, чтобы ее не замечать...

Честно говоря, я не знаю, чем руководствовалась матушка, наливая мне первую рюмку. Зачем знакомить с Хозяином подростка, который в выходные дни ездит к ее сестре вместо того, чтобы бегать за девками, и с большим любопытством рассматривает медицинскую энциклопедию?

Я повел себя так, как любой неопит – рюмочку растительного яда опрокинул в себя, как бывалый выпивоха и удостоился заботливого и тревожного взгляда матушки. Уж больно легко выпил, а вдруг не в первый раз?

При первой встрече Хозяин повел себя, как ему и положено, лукаво – я взмыл на волнах беспричинной радости, порол чушь и заразительно сам же смеялся. У меня не было ни головной боли, ни извержения рвотных кислых масс, не было даже мертвого отупения с утра. Выпил, посмеялся и понял – сие есть хорошо. Хозяин получил пока еще не раба, но уже слугу.

Зато первое свое опьянение я помню очень четко. Не легкое, которое кроме приятного кружения головы и потом сонливости – а после сна все нехорошие симптомы куда-то испаряются – а настоящее, тяжелое, тупое, чреватое беспричинной агрессией и непредсказуемыми поступками.

И произошло это, естественно, в лесу. Естественно – потому что лесом меня связывала всегда какое-то странное родство, приязнь и даже дружба – как бы нелепо это ни звучало.

К тому времени я уже обзавелся друзьями. Нет, не школьными – спутники моих самых счастливых годов относились ко мне, прямо скажем, пренебрежительно. Двоечник, мечтатель, неудачник, слабак. Дрался я крайне неохотно и даже сдачи давал – только когда очень сильно доведут. Впрочем, в таких случаях лупил направо и налево, не разбираясь, кто прав, кто виноват, частенько доставалось и случайным зрителям.

Да и мою любовь к живой природе почти никто не разделял. А я вечно таскал домой всякую водяную живность из болота, на месте которого сейчас метро-депо, разнообразия обитателей маленького и темного аквариума, одно время держал ужонка (когда он, к моему разочарованию, сдох, на фабрике «Природа и школа» его очень мило и профессионально заспиртовали.)

И тогда я совершил первый из непредсказуемых шагов, которые потом будут поворачивать мою жизнь в самые неожиданные стороны – взял и написал в журнал «Юный натуралист». Что-то вроде – а как содержать хомячков?

Самое удивительно, что ответ не только пришел, но и пришел довольно быстро. Кроме ответа – некий В.В. Строков подробно описывал, как хомячков содержать – в письме было приглашение в Клуб Юных Биологов и Краеведов.

Про жизнь в этом кружке можно писать долго и весело. В частности, АИБ, (Алексей Иванович Быхов, руководитель кружка) как-то вечером предрек мне писательское будущее. Как оказалось, он не очень сильно ошибся...

Впрочем, писателями у него были все. На каждом занятии дети, послушав рассказ докладчика о какой-либо живности, писали свои впечатления. Потом все это – за чаем с баранками – зачитывалось АИБом с издевательскими комментариями. Нет, не издевательскими – он просто добродушно вышучивал всякие стилистические и орфографические ляпы, которых, надо думать, у школьников было предостаточно.

Кроме того, в кружке, поскольку он был все-таки биологическим, практиковались выезды на природу. Под Можайском в лесничестве кружку выделили половину бревенчатого дома – и каждые выходные круглый год мы туда ездили. Для городских детей это было довольно экстремальным занятием – долгая дорога, сначала на электричке, потом на деревенском автобусе, потом минут сорок ходьбы по черному заснеженному лесу, потом надо растопить печь, принести воды, приготовить ужин...

Вечные шутки, вечный хохот... первые заинтересованные взгляды на девчонок... первая любовь – Оля Коренева. Потом я узнал, что в подростковом возрасте она выбросилась из окна. Конечно, оттого, что ей изменил какой-то мальчик.

Вторая любовь – Оля Владимировна. Я с ней сравнительно недавно разговаривал по телефону. С ней все нормально, вырастила дочь, работает в обменном пункте. Меня, как ни пыталась, вспомнить не смогла...

Кружку можно посвятить отдельную книгу – тем более что все дневники прекрасно сохранились. Но у этой рукописи цель другая...

Впервые нажрался я (будем называть вещи своими именами) у костра в зимнем лесу во время школьных каникул. Хорошо помню, что я вез на базу килограмма три вырезки – чудовищный по советским временам дефицит – и оставил сумку с мясом на остановке... по этой потере я так потом убивался, что друзья – кажется, Шурик Макроусов и Боря Борисов – пригрозили, если не перестану ныть, лишит меня спиртного. Угроза была нешуточная, они действительно могли. Пришлось страдать о потерянном мясе молча...

Мы ждали, пока АИБ замерзнет у костра и пойдет в дом спать – а уложить Алексея Ивановича, ярчайшего представителя сов, раньше других задача почти невозможная. Дождались. И напились...

Помню, как плясало передо мной багровое пятно углей, через которые мне постоянно приходилось перескакивать, помню колючие еловые лапы, трещащие от веса моего тела, помню предательски убегающую землю и ноги, которые отчаянно пытались ее остановить.

Утром я ждал всем известного признака похмелья – трещащей башки и страдал оттого, что надо будет похмеляться, а похмеляться-то нечем...

Получалось, что о нраве Хозяина я знал еще до знакомства с ним и не шарахался, как от чумы, а с тупостью овцы и ее же покорностью следовал за стадом. Очевидно, что своих рабов Хозяин отбирает еще и по этому признаку – боязнь свободы и одиночества.

Итак, первое знакомство с сильным опьянением прошло успешно.

Я раздул грудь, гордясь собой, своей, как мне казалось, зрелости. Куда исчезли детские взгляды на пьяного человека? Отвращение к замедленной речи и осоловелому взгляду, к нахальству и развязности куда-то пропали и на смену им пришло странное стремление к смерти.

Должно быть, в самоуничтожении есть какое-то непреодолимое влечение. Как иначе объяснить упорство, с которым люди подталкивают себе к черте, за которой никем не изведанная бездна?

Хотя в те времена такие мысли мне не приходили в голову. Выпить – это было ново. Выпить казалось смелым. К тому же КЮБиК я променял на кружок юных натуралистов при Дарвинском музее. Точнее говоря – меня туда привели. Тот же Боря Борисов и Шурик Макроусов.

Казалось бы – два кружка биологической направленности, какое тут может быть различие? И тем не менее оно было. В Дарвиновский музей меньшая часть народа ходила заниматься биологией, большая часть – для того, чтобы пить.

Катя Преображенская, руководитель кружка, конечно, не приветствовала такое положение дел, но при этом особо с ним и не боролась. Близкой базы, как а у АИБа, у нее не было, была биологическая станция Академии Наук под Костромой, но туда на выходные не наездишься. Так что народ ездил сам по себе, без внимательного ока старших. То есть старшие, конечно, были, и смотрели они на младших насколько им позволяло косое око – и видели младших настолько же косых.

Можно сказать, что выезды на природу продолжались – но боже мой, что это были за выезды!! Народ на вокзале шарахался от людей в странных одеждах – Борянушка, например, ездил в лес в собственноручно сшитом из армейской шинели анорাকে, с понягой за плечами (Это вроде каркаса из орешника для поддерживания клади на спине, в древние времена заменяла рюкзак. Кстати, довольно удобно – завернул в тент сколько тебе надо, привязал к

поняге ремнями и никаких хлопот с теснотой или лишним объемом.) В те времена довольно странно смотрелись даже самые приличные из нас – в штормовках, телогрейках и болотных сапогах.

Пить начинали обычно уже в поезде – и петь тоже. Шурик Макроусов со своей луже-ной глоткой легко мог перекричать шум поезда, а поддавший народ подтягивал на все лады.

«Мой фрегат давно уже на рейде,
Мачтами качает над волною,
Эй, налейте, сволочи, налейте,
Или вы поссоритесь со мною...»

После последнего дребезжащего аккорда ленинградской шестиструнки исполнялась песня, ставшая почти что гимном полевых работяг.

«Нам ночами весенними не спать на сене,
не крутить нам по комнатам дым своих папирос...

Перелетные ангелы летят на Север
И их нежные крылья обжигает мороз»

«От злой тоски не матерись» «Зеленый поезд (Слепой закат догорел и замер)» «Борт-проводницу

(А за бортом представляешь, как дует,
Вот и уходит Сибирь в горизонт,
В чахлой тайге и по талому льду я
Поднатаскался за этот сезон),

«Мы с тобой давно уже не те...» (Эту песню мы и сейчас часто поем – сегодня она особенно актуальна) и, конечно же, «От злой тоски не матерись», «Над поздней ягодой брус-никой горит холодная заря». Позже я узнал, что как минимум четыре песни из тех, что при-ведены выше, принадлежат перу Александра Городницкого.

Время года никакой роли не играло, так же не обращали внимания и на погоду. Палат-ками не пользовались, потому что прогреть палатку при минусе десяти довольно тяжело. Обычно делали нодью, (постоянно горящий костер из лежащих бревен – обычно двух. Если они достаточно толстые, то горят примерно сутки.) ставили рядом тенты и наслаждались теплом, валяясь на кучах лапника.

Хотя приходилось спать, и зарывшись в снег. Я этим особенно отличался – надоедали вопли и песни и, традиционно отменяв харчи, я надувал резиновый матрац, закутывался в спальник и валился прямо в сугробы. Частенько утром меня находили только по протаявшей от дыхания дыре в снегу. Меня будили, давали водки – и я продолжал горлопанить вместе со всеми.

Школа к тому времени была уже закончена и я пошел... Ну куда мог пойти опекаемый мамой неудачник? Туда, куда его направят. В ПТУ. Расшифровывалось это веселое место так – Помогите Тупому Устроиться...

Причем «путяга» была выбрана мамой профильная. Она работала в тресте «Союз-мясломонтаж». Занималась эта организация монтажом и проверкой заводов мясной и молочной промышленности на территории всего Советского Союза.

После некоторых проволочек меня все-таки приняли – ну куда еще деть двоечника? И стал я получать специальность электрика по силовым и осветительным сетям. До сих пор все, что связано с проводами и током вызывает у меня отвращение...

В стране тем временем полным ходом шла гонка на лафетах. Трухлявые партийные лидеры мерли один за другим. Народ, поднимая стаканы Андроповки, равнодушно ждал, чем все это кончиться.

Кончилось все весьма неожиданно – лысый разговорчивый живчик с пятном на лбу вдруг с разгону озаботился здоровьем нации. Нация от такой заботы встала на дыбы, но была

осажена жестокой рукой и потихоньку стала искать другие пути служения своему настоящему хозяину.

Молодежь от народа не отставала. После училища мы с моим другом тех времен – Володей Матушевичем – собирали все, что у кого звенело по карманам, и шли в обход магазинов. Купить бутылку портвейна – это было высшим шиком. Затарившись, мы оседали либо в подъезде, либо у Володи дома, если его мать, грузная стареющая еврейка, была на работе.

Служение Хозяину тех лет можно охарактеризовать тремя словами – нажрался – проблевался – отключился.

Но портвейн удавалось достать не всегда – и тогда на помощь молодым придуркам приходили пивнушки.

Училище располагалось в самом сердце Москвы, в месте, где до сих пор сохранились нетронутыми старорусские одноэтажные особнячки семнадцатого – восемнадцатого века, и две пивнушки мирно существовали прямо возле метро Новокузнецкая.

Это были так называемые «автодоилки» – ставишь кружку, кидает двадцать копеек и ударяет желтая струя, и пена бежит через край...

Красиво звучит? Но тогда пивнушки считались именно тем, чем они и были на самом деле – последним прибежищем опустившихся людей. Конечно, там встречались и крепкие работяги, и инженеры, заливавшие пивной горечью проблемы на работе, но в основном – бывшие уголовники и самый прожженный люмпен.

Единственной проблемой в тех пивнях были кружки – больших полулитровых, похожих на бочку, символа пива – почти всегда не хватало, и народ лил живительную влагу кто во что горазд. Банки, полиэтиленовые пакеты были в большом ходу...

У теток, которые разменивали рубли на двадцатикопеечные монеты всегда была коллекция из часов – мужики закладывали последнее, чтобы хоть на короткое время превратиться в любимую Хозяином скотину.

Помню, как Вова, в припадке пьяной щедрости стал дарить мне часы. Чтобы доказать, какие они надежные, он принялся с размаху их лупить об железную стойку навеса. (в этой пивнушке имелся дворик с навесами надо железными столами.)

Эту пьянку – одну из немногих – я помню довольно хорошо. С осеннего неба сыпал непрекращающийся дождик, запах близкого снега перемешивался с резкой табачной вонью и кислым душком пива. Холодила плечи намокшая куртка. Володины русые выющиеся волосы потемнели и прилипли к широкому лбу (еще у него были серые большие глаза, суживающееся к подбородку лицо, довольно крупный нос. И тонкий гнусавый голос. Он курил «Новость», сигареты с бумажным фильтром, постоянно сутулился, пальцы правой руки были коричневыми от табачных смол.

Я его видел несколько лет назад. Возле метро Третьяковская. Высохший, желтый, еле стоящий на ногах, он лез к сытым, тянущим бутылочное пиво менеджерам и доказывал, что был когда-то кем-то. Меня он не узнал. И я не стал подходить...)

Володя нещадно бил часы об стойку – и, конечно, сразу из сумрака вынырнула невнятная личность, предложившая не портить вещь, а пропить ее.

Мы послушались – личность, при всей своей забубенности, обладала неким сумрачным обаянием.

Кончилось все типично – в темной подворотне я получил удар кулаком в зубы, и проснулся от холода и страшной головной боли только поздно ночью. Я кипел от похмельной разрушительной обиды и с невнятным ревом искал разможивших мне рот друзей. Большинство прохожих шарахалось от пьяного, но вот нашлась парочка мужиков, которые на мой вопль «Вы меня, сволочи, били?» прижали к стене, рассмотрели окровавленную рожицу щенка и пояснили.

– Если бы мы тебя били, ты бы тут не бегал. Быстро домой!!

Я послушался.

То, что утром я был в училище, можно назвать подвигом. Мои и так не маленькие губы раздулись настолько, что одна только нижняя была в несколько раз больше двух в их обычном состоянии. Но ведь удар пришелся и по верхней губе тоже... зрелище было еще то. В транспорте я прятал нижнюю часть лица в шарф, но в училище шарф заставили снять...

Я шел по коридору и народ валился снопами от смеха по обе стороны.

Хотя верный слуга – он на то и верный слуга, чтобы не обращать внимания на такие мелочи. Свои походы по пивнушкам я не прекратил, более того, стал старательно затаскивать туда всех знакомых. И одна из таких экскурсий едва не стоила мне – в самом грубом и прямом смысле – жизни.

Я не помню, как назывался этот пивняк в районе Курского вокзала. Разгуляй? На самом вокзале был легендарный Грязный угол, где за электрическим щитком бродяжий народ оставлял друг для друга записки. Не надо путать бродяжий народ с современными бомжами, доведшими себя добровольно до скотского состояния. Я имею в виду тех людей, кто не мог сидеть дома в межсезонье и, при отсутствии работы в поле мотался по подмосковным лесам. Поскольку дома их застать было почти невозможно, а мобильной связи не было и в помине, Грязный угол исправно выполнял свои функции.

В той пивнушке можно было встретить знакомый по лесам народ – биологов, лесоустроителей – и, когда карманы были пусты, разживиться пивком на халяву.

Парнишка из моей группы, которого я вел, выглядел просто ребенком. Я считал, что на его фоне кажусь эталоном зрелости – на верхней губе у меня уже пробивался темный пух. Он же был большеголовый, светлый, неуклюжий, без следов растительности на лице.

Пивнуха была, в принципе, обычной – грязные опилки под ногами, густой табачный дым, равномерный гул голосов. Разве что находилась она рядом с вокзалом – поэтому ее чаще посещал транзитом откинувшийся из мест не столь отдаленных люд.

Так вот. Привел я туда юношу, который смотрел вокруг глазами испуганного щенка, и стал, как бывалый, его подпаивать. Он через силу, морщась – но пил. Я подливал, подливал, подливал... пока не напоролся на взгляд.

Мужик смотрел на меня в упор – именно на меня, а не на моего приятеля – и мне захотелось свернуться, как мокрица, и куда-нибудь исчезнуть. Вместо этого я сбежал еще за пивом, а когда вернулся, мужик материализовался за моей спиной и негромко сказал.

– Чтобы духу твоего здесь не было, скотина...

Может, и не дословно так – но общий смысл ясен. Никто ничего не заметил – даже мой порядком окосевший парнишка. Мужик взял себе еще пивка и вернулся на место.

Но я предупреждению не внял – Хозяин кроме хмеля, в вены влил и тупость. Я вел себя еще более шумно и развязно, а молчаливого мужика, который спокойно наблюдал, прихлебывая свое пиво, старался не замечать.

Я повернулся вовремя – человек поставил недопитую кружку и мягко двинулся к нам, я заметил проблеск выскочившего из татуированного кулака лезвия...

Сработал инстинкт самосохранения, который так старательно заливало пиво, сработал и вынес меня из пивной, как на крыльях. Мужик метнулся за мной на улицу, но не может сиделец догнать быстрого мальчишку – и в погоню он не бросился. Я остановился и повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как из дверей пивняка кубарем вылетел мой ничего не понимающий дружок, встал и, размазывая обиженно слезы и сопли, куда-то побрел.

Не знаю, кем я выглядел в глазах того зека – может, геем, перед утехами подпаивающим свою жертву? Или просто тупым подлецом, подведшим паренька за руку к смрадной яме и рассказывающим, как там хорошо?

Я обладал богатым воображением – я кожей чувствовал раздражающее острие, холод, рассекающий ткани и побежавшую под одеждой теплой влагу...

И в пивные я не ходил вплоть до самой армии.

Вообще-то забавное тогда было время. С одной стороны – я находился под жесточайшим матушкиным диктатом, который, впрочем, на тот момент меня устраивал. Может быть, потому, что я просто не отдавал себе отчет в том, насколько крепко я опутан. С другой стороны – тяга к свободе, которая, похоже, у меня в крови и до сих пор доставляющая мне множество неудобств, постоянно создавала конфронтацию с моим самым близким человеком.

Это была странная необъявленная война – и Хозяин в ней принял святую сторону родителя. Слово святую надо бы поставить в кавычки, но тогда я еще не был знаком с разрушающим все и вся учением Эрика Берна и на самом деле думал, что мать мне хочет одного лишь добра. Самое забавное то, что она именно этого и хотела на самом деле, искренне и всей душой. Она переживала за меня, она старалась сделать мою жизнь как можно легче и лучше, прикладывая для этого титанические усилия. Я думаю, что она сильно переживала по поводу стремительно убегающих годов – не потому, что снегами поблескивала приближающаяся старость, а потому что вместе с грубеющим пухом над губой крепло мое стремление к свободе и самостоятельности.

И Хозяин, как я уже говорил, встал на ее сторону.

Я пил в училище; я пил в лесу; уже не помню, каким образом меня занесло в Ботанический сад биологического факультета МГУ – и там тоже пил.

В Ботсаду подобралась хорошая компания – Ира Смолякова, Эля (а вот ее фамилию я не помню) Галка Лещук, Борис Пьянков, Булат Хасанов, Катюша Бызова. Все стремились поступить, а тем, кто так или иначе работал на факультете или возле, при сдаче экзаменов делались скидки.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что все крутилось вокруг молодости и красоты наших девчонок. Галка была натурально блондинкой с темно-кариыми глазами, округлым лицом и чуть приподнятым носиком; Ира – с темно-каштановыми, вьющимися крупными локонами волосами, серыми глазами и, в отличие от стройной Галки, весьма полного сложения. Эля, при непривлекательном лице, обладала длинными ногами исключительно красоты – это качество я по достоинству оценил бы сейчас. Там же, рядом, в фотолаборатории работала и Настя Казначеева – моя знакомая еще по кружку Алексея Ивановича. Тоже далеко не красавица, она имела великолепную фигуру и всепобеждающий молодой задор и обаяние.

Хозяин уже в те времена присутствовал рядом – но пока еще под маской верного друга, всегда готового прийти на помощь в трудную минуту. Он развязывал язык подростку, густо и жарко краснеющему от любого прикосновения к девушке; он поднимал его в собственных глазах, ставя на один уровень с более взрослыми и более умными людьми.

Правда, много мы тогда и не пили – ну не было у нас возможностей сегодняшнего дня. Пивная вакханалия на телевизионных экранах не могла привидеться даже в страшном сне; пиво считалось (да, собственно говоря, и было) напитком окончательно опустившихся людей без будущего.

Горбачев уже вырубил начал вырубать виноградники; матушка уже подумывала о самогонном аппарате. Детские розовые щеки и несерьезный пух над моими губками бантиком не позволяли изображать из себя восемнадцатилетнего и требовать выпивку на законных основаниях. А в большинстве магазинов продавщицы блюли букву закона и не продавали детям яд.

Но мы стремились к взрослой жизни, мы хотели так же планомерно и легально убивать себя, как и они.

Хотя я тогда уже чувствовал заключенную в бутылке разрушительную силу. Вспоминается одна пьянка с Володей Матушевичем. Мы долго искали выпивку; в одном магазине нам не продали, да еще и едва по шее не наkostenяляли; в другом продавщица уныло сидела

в полудреме не фоне совершенно пустых полок; наконец то ли в четвертом, то ли в пятом по счету очаге культуры нам подфартило. Володя, светясь, как майская параша, выскочил из магазина, размахивая намертво зажатой в кулаке бутылкой аперитива. Аперитив «Степной» с парящим на этикетке орлом. Потом мы долго искали место, где нас бы не достали молодцы с красными околышами, и наконец уселись в душных зарослях на берегу реки Сходни. (Все это происходило в Тушино, где, как потом выяснилось, подрастал и начинал пить мой алкогольный друг Лесин.)

Сбылась мечта идиота – какие – то деревья, заросли полыни по пояс, утоптанная тропинка, мокрая газета на полусгнившем бревне, даже стакан – протертый песком, сполоснутый в воде и заигравший хрустальным блеском. Закуска – легендарный плавленый сырок и четвертинка черного хлеба. Но оказалось, что аперитив вместо удали и бесшабашности вливает в жилы только степную тоску и томление. От его горечи тут же началась изжога; естественно, мы, как претенденты на ущербную жизнь, много курили. У Володиных сигарет было подобие фильтра из бумаги, у моей же «Астры» не было ничего. Кроме отломанного куска спички, который я загонял в сигарету – тогда табак не так лез в рот.

И вот сидим мы в сырости и духоте, заглываем, морщась, горькое пойло, втягиваем в грудь вонючий дым, молчим – потому что противно даже разговаривать. А прямо перед нами, на играющей бликами ряби, тренируются байдарочники на одиночках. Взлетают блестящие лопасти весел, парни шутят, смеются, а голые мускулистые тела блестят и лоснятся на солнце. Помню, как до боли мне хотелось туда, к ним, на водный простор с легким ветерком, управлять верткой байдаркой и так же, как они, смеяться от мускульной радости ...

Володя говорил какие-то излюбленные алкоголиками пошлые банальности, вроде – кто не курит и не пьет, то здоровеньким умрет – а я, насколько помню, вообще молчал и просто любовался спортсменами.

То есть стремление к здоровой – а по сути, к просто нормальной жизни было всегда, но за руку меня уже держал Хозяин. И поддерживал, как мне казалось, в трудную минуту, и направлял, показывал, куда идти ...

В училище я занимался примерно тем же, что и в школе – то есть лоботрясничал и раздолбайствовал. На уроках мы делали одно из двух – или бездельничали шумно, с криками и гамом, либо – если преподаватель был суров и уже познакомил наши бока своими кулаками – тупо сидели и думали о своем. Началась практика на стройке. Забавно, но стройка находилась прямо напротив дома, где жила Катя Преображенская, руководительница кружка при Дарвиновском музее. Так что я часто, отработав свое, шел не домой, а к ней в трехкомнатную квартиру, где всегда собиралась на картошку шумная толпа.

На стройке мое знакомство с Хозяином стало уже не шапочным, а более близким. Ничего удивительного – глупые лбы из профтехучилища стремились взрослых работяг перещеголять во всем. Мы даже матерились так, что один раз даже старик-электрик не выдержал и в доступных ему приличных выражениях заорал «Да что же у вас, трам тарарам, ни стыда ни совести, вы же хлеб, тарарам-там там, едите, и так ругаетесь, трах-тарарах– тах– тах...»

Видимо, мы ему ответили что-то еще более приличное, так что другие работяги старика едва удержали ...

Самым запоминающимся персонажем был Шурик – мужик лет сорока с густыми пшеничными усами, обширной лысиной, хитрыми серыми глазами, крепким упитанным телом – рассмотрел, когда на крыше под палящим солнцем долбили дыры для светильников. Два пальца на его правой руке – мизинец и безымянный – не сгибались. Он был хитер, многоопытен, подвижен и говорлив. Да и ругался не стандартно, в отличие от большинства, которые через каждое слово вставляли два слова – на букву х и на букву б...некоторые из его перлов помню до сих пор – «чтоб у тебя х... на лбу вырос», «чтоб тебе сыром срать три года», «сын бешеной п...ы», «анчутка х...ва» ...

Если мы запарывали какую-либо работу, он вздыхал, надвигая на выпуклый лоб вязаную шапочку... «Да уж... стране нужны герои, п...да рождает дураков...» Когда я пробил слишком глубокую дыру под розетку, Шурик попенял мне так – «Что ты сделал, ну что ты сделал? Это ж тебе не м...а, чтобы проваливаться до самой жопы...»

Стройка находилась в Строгино – а самым культурным место в округе была деревня Мякинино. К деревенскому магазину вела широкая, уверенная, утоптанная тропа, по которой с утра и до половины шестого спешили работяги. За прилавком стоял сухонький старичок, который объявлял каждому новому покупателю со стройки – Все, ребятки, водка кончилась, только портвешок...

Или наоборот, в зависимости от ассортимента и наличия. Мы исправно бегали туда-сюда, и с нами старичок уже здоровался и иной раз припрятывал бутылку...

Хозяин входил в силу... помню, не из чего было водку пить – Шурик, светлая голова, свернул у лампочки цоколь, и все тянули из стеклянной колбочки. Как-то раз после работы скинулись, купили ноль-семь портвейна «Кавказ» – мое поколение помнит это пойло – но пить на улице было опасно, менты стояли на каждом углу.

Шурик почесал в раздумье лысину и вдруг пошел куда-то быстро и уверенно. Мы, желторотики, потянулись за ним – и попали... в общественный туалет. От запаха слезились глаза, но мы мужественно зашли в подсобку – комнатку между мужским и женским отделениями, где в перерывах коротала время уборщица. Она предоставила стакан и на закуску – пару твердокаменных баранок. Мы втянули в себя содержимое граненого, перемололи молодыми зубами баранки... Подсобка оказалась бойким местом – тут же зашли еще трое жаждущих, которые поделились с нами, потом они свалили, и образовались еще два. Уборщица прилегла на кушетке, забив на обязанности, мы уже по-хозяйски принимали гостей. В головах шумело, все казались если не братьями, то по крайней мере друзьями...

Все преимущества нашего места пришлось оценить через час – когда в двери мелькнул красный околыш. Мы подхватились и рванули на волю, под оглушительный визг сидящих с заголенными задами женщин...

Блюстителю порядка на такой подвиг, по-видимому, не решились.

А оставшееся время посвящал нашим замечательным ботсадовским девочкам. Довольно скоро я познакомился с их начальством – она сквозь пальцы смотрела на странного парня, который добровольно приезжает пилить, косить и делать прочую черновую садовую работу.

Помнится, как всей компанией мы ездили по бардовским концертам – прорывались через черный ход или окна на Городницкого, который выдал контрамарки очаровавшим его девочкам и, скрипя сердца, четверем сопровождавшим их лбам, или на Окуджаву. С Булатом Шалвовичем я столкнулся за кулисами. Я поздоровался и он неожиданно протянул мне руку – я пожал, совершенно ошалев от такой чести, сухую ладонь.

Исполнители были в основном старые, прошедшие школу подполья советских времен. Митяев еще не начал свой слащавый попсовый взлет и гимном авторской песни была казавшаяся вечной песня «Возьмемся за руки, друзья».

Хотя, конечно, Хозяин присутствовал и в той, еще достаточно чистой компании. То Боря Пьянков надерет дикого винограда в саду и поставит его бродить, то Настя стащит колбочку спирта в своей лаборатории и Ира, попробовав его на вкус с чайной ложечки, посмакует и определит – «ректификат».

Но все же всей полнотой власти там обладал табак. Все наши посиделки были окутаны сизыми клубами; если компания собиралась у кого-либо на квартире, то частенько стен не было видно и щипало глаза. Одна сигарета прикуривалась от другой, пальцы у меня приоб-

рели несмываемый коричневый цвет. О каком-либо спорте в те года и говорить не приходилось – ходить на лыжах уж не давало крепко засевшее в груди удушье, а каких-либо тяжестях вроде гири и гантелей я не помышлял, полагая, что и так хорош.

Отец

Навещал я и отца. Он жил еще на станции Лось, в коммуналке с одним соседом, который, кстати, на моей памяти там так ни разу и не появился. В отличие от первого жилья, которое я помню, здесь было две смежных комнаты, и отец мог отгородиться от своей матери дверью. В двери было стекло, но была и занавесочка...

Вместе с ними переехала вся старая сталинская мебель, две дореволюционные швейные машинки с ножным приводом (на одном из них жил аквариум) настенные часы с боем. Отец починил их сам и показывал надпись вязью «Поставщик двора Его Императорского Величества».

В аквариуме, под светом висевшей сбоку на проволочках лампочки, буйно разрослась ярко-зеленая элодея и сновали пестренькие гуппи.

На подоконниках в больших консервных банках неплохо росли и цвели душистая герань, Ванька-мокрый, алоэ.

Тогда отец еще не дошел до окончательного рабства у Хозяина – он работал, помнится, слесарем-сантехником. Должность была не престижная – иной раз приходилось голыми руками натуральное дерьмо из слива выгрести – но хлебная. В советские времена было принято задабривать представителей коммунальных служб рублями и трешками. Отец очень возмущался, когда хозяева вместо положенного желтенького рубля ограничивались благодарностью...

Свою преданность Хозяину он доказывал исправно, каждый день – но на работе это мало кого волновало, туда шел только такой контингент. К вечеру отец брел домой на заплетаящихся ногах и валился спать, не обращая внимания на дежурные причитания мамы. Он знал, что завтра для него будет приготовлен рубль на опохмелку. Если же бабушка проявляла твердость – что случалось не часто – и лишала его дотаций на утреннюю поправку здоровья, он не горевал. Мужики в диспетчерской обладали изворотливым умом и к обеду, как правило, глаза у всех моргали медленно и осоловело, а языки невнятно несли всякую околесицу...

Я бывал на его работе. Не знаю уж, с какой целью он меня так старательно зазывал в подвал с запахом масла, железа, грязной одежды, блестящими от грязи и с рваной обивкой диванами и креслами – показать корешам, что не впустую живет на этом свете, вот, оставил сына?

«Мой киндер» – так он представлял меня друзьям-алкашам, и при этом изображал какое-то дурашливо удивление. Дескать, вот, смотрите, какой лоб вымахал... Откуда только взялся!!

Лоб, действительно, вымахал. Лоб уже причастился и телячьей покорностью шел в рабство. Он втягивал в себя портвейн – пришедшее из советского прошлого крепленое дешевое вино было и остается излюбленным напитком окончательно развалившего здоровья люда. Когда водку организм не принимает, а трезвую измену Хозяин карает жесточайшими психозами и кошмарами, суррогатное пойло протягивает предательскую руку.

Я любил приезжать к отцу – он был человеком очень мягким и незлобивым, хотя Хозяин, встав между ним и миром, стер самые лучшие человеческие черты и заменил их скотскими... тогда я это только – только начинал понимать.

Куда только делась детская неприязнь Хозяина? Я плакал и ругался, если отец приезжал пьяным и даже подарки отказывался принимать. А она приволакивал то арбуз, то конфеты какие-нибудь... я подозреваю, что деньги на гостинцы ссужала бабушка, но часть он исправно переводил на жертвоприношение Хозяину.

Теперь я сам приезжал к отцу и чувствовал себя наравне с ним, а он, разливая и темной бутылки темно-красную жидкость, удивлялся...

– Надо же, дожил, с сыном пью...

Хозяин еще позволял поддерживать видимость нормальной человеческой жизни. Рыбки получали свою щепотку сухой дафнии каждый день; здоровенный серо-белый кот (конечно же, Барсик) свою порцию рыбы и ласки, когда бабушка заваливалась на диван перед телевизором; черная мочалка, собачка Чапа была каждый день выгуляна. Отец даже покупал ей витамины по рубль пятьдесят флакон – когда та вдруг облезла и гордо сверкала на улице голой задницей и вздернутым прутиком хвоста. Старинные часы, с шипением отбивавшие время, исправно заводились, и приемник «Океан» редкими трезвыми вечерами, при свете ночника исправно передавал эфирную музыку.

Я любил у него бывать. У отца меня никто ни к чему никогда не принуждал. Разве что бабушка вздыхала о моей худобе – идеалом здоровья для нее были такие мордастые краснощекие крепыши – и пыталась накормить побольше. Я любил зимними вечерами гулять с Чапой – мы проходили по тополевой аллее вдоль железнодорожных путей, потом я садился на припорошенную снегом скамейку и наслаждался сверкающими в прозрачной черноте огнями города, плавной серостью сугробов, клубами пара от дыхания...

Мохнатая собачка черным шаром каталась по своим делам – мне нравилось даже то, что она не мерзнет.

Кстати, одна из самых больших потерь в счете, который я сейчас предъявляю Хозяину – моя нынешняя неспособность находить радость даже там, где раньше ее было много. Первое, что отбирает Хозяин у своих слуг – возможность быть счастливым без его тупого дурмана.

Когда мы возвращались домой – собачка вприпрыжку неслась впереди – я садился за стол с пылающим в тепле лицом, брал стакан в литом подстаканнике и прихлебывал чай, чувствуя, как ознобом выходит засевший под одеждой мороз...

Я всегда остро чувствовал эту грань и умел наслаждаться ею – горячий чай после мороза, волны сухого прогретого воздуха от батареи и рядом узоры инея на оконном стекле...

Я часто ночью стоял у окна и смотрел на улицу – оглушенный Хозяином отец спал, похрапывая – на груды ящиков за складским забором, легкие вихри снежинок под склоненными головами редких фонарей.

Не надо думать, что я был излишне романтичен. Насыпь железнодорожного полотна проходила в ста метрах от дома – и когда по ней проносился тяжело груженный состав, в комнатах дребезжало и звенело все, что могло дребезжать и звенеть.

* * *

Но Хозяин – он на то и Хозяин, чтобы играть своими слугами, словно куклами, вкладывать в их уста чужие речи и в жизнь – чужие поступки. Может, отец устал от постоянных нравоучений своей матери и раздражение, копившееся годами, вырвалось наружу, может быть, он действительно потерял разум в один далеко не прекрасный вечер... потом, кстати, такие вечера превратились в дни и стали образом жизни.

Мы выпили с ним совсем уж взрослый напиток – водку. Нагрывушая некстати бабушка пришла в ужас, устроила скандал и пить нам попросту запретила. Заставила съесть всю закуску, а недопитую бутылку убрала, спрятала в свои закрома, в неведомые никому, кроме нее, недра старой квартиры. Я не очень переживал по этому поводу – Хозяин оглушил непривычные мозги и я, пошатываясь, побрел в комнату. Отец тоже улегся на раскладушке – его, привыкшего к портвейну, водка срубила так же, как и меня.

Проснулся я от какого-то шума, шипенья и бормотанья за закрытой дверью. Я встал на еще нетвердые ноги, дернул створку на себя... бабушка, в белой ночной рубашке и с распущенными седыми волосами была похожа на привидение, из открытого рта раздавался натужный сип. Отец, в майке и черных семейных трусах, держал ее двумя руками за шею и душил. Я бросился к ним, и, услышав «Отдай бутылку, сука», просто отшвырнул его в дальний угол, куда-то под телевизор. Помнится, наградил его еще парой пинков под ребра, и он успокоился, и уполз на свою раскладушку, и тихо лежал до самого утра. Бабушка, держась за горло, улеглась на свой диван.

Наутро отец пожал мне руку, бабушка с негодующим стуком выставила на стол ополовиненную поллитровку и, поджав губы, не проронив ни слова, смотрела, как мы с отцом с ней расправляемся – по рюмочке, по рюмочке...

Словно ничего и не произошло, словно не она сама хрипела под судорожно сжатыми пальцами.

Правда, такого больше не повторялось – по крайней мере, пока отец с бабушкой жили в Лосе. Потом они получили квартиру в Перово – отдельную, двухкомнатную... отец, как ни странно, вместо радости испытывал тоску. Он не хотел туда уезжать. И дело даже не огромном по московским меркам лесу, в котором он гулял – конечно, не на трезвую голову – и не в потере друзей. Толмазов – не помню его имени – приезжал к отцу и в Перово, остальные являлись по сути собутыльниками, банальными алкашами – а они во всех районах были совершенно одинаковые.

Мне кажется, что он уже понимал, что Хозяин никого не отпускает добровольно – ну а тем, кто остался верен ему, воздаст по полной. И время раздачи уже близко...

Себе я такой жизни не хотел – стареющая все более и более безнадежно женщина держала своего сына мертвой хваткой, и Хозяин ей в этом умело помогал. И если он прекрасно видел конец пути, к которому человек идет под его предательским руководством, то бабушка, очевидно, до последнего дня не сознавала гибельность своих поступков. Она ненавидела всех женщин среднего возраста, которые могли бы сделать ее дни одинокими и постоянно внушала отцу – все они шлюхи и предательницы, всегда верна одна лишь мать.

Отец был послушен Хозяину и даже не замечал, что собственно наслаждения в служении ему уже почти не осталось. Короткий момент между похмельной муторностью и большим сном...

Но Хозяин воздвигал между миром, который давно уже перестал играть яркими красками и удручал своей однообразностью, и отцом стену. Жизнь в мороке это стены представляла другой – гипертрофированной, искаженной, с преувеличенными событиями и проблемами, которые легко решались только на поверхностный, размытый этиленом взгляд.

К тому же отец до последнего дня любил мать. Когда Хозяин полностью занял тело, некогда принадлежавшее моему отцу, единственное, что осталось от дорогого прошлого, оказалось двумя буквами на кисти, между большим и указательным пальцем. В и К. Вера и Костя. Толстые синие линии неумелой татуировки он наколот себе сам.

Но это будет потом...

Их жизнь в Лосе держалась на уровне среднестатистического счастливого советского обывателя. Отец получал свои рубли и трешки за ремонт текущих бачков и забитых унитазов. Бабушка, кроме пенсии, работала в Центральном Доме Культуры Железнодорожников – гардеробщицей. Поскольку концерты проходили по вечерам, то гардеробщицы – а их было довольно много – оставались там спать.

В буфете ЦДКЖ частенько бывало свежее пиво, чем папа с радостью пользовался, посещая работу матери далеко не из-за концертов. Однажды в очереди перед ним оказался Иосиф Кобзон. Отец предложил ему ударить по пивку, но Кобзон вежливо отказался, сославшись на выступление.

А у меня впереди уже светила армия.

Поскольку за два года службы напиться мне удалось всего один раз, то этот период жизни, как свободный от власти Хозяина, для данного повествования не интересен...

Вернулся я в любопытные времена – всюду бушевала перестройка, народ, очумевший от непривычной свободы, очертя голову бросился в мутные воды бизнеса. Бизнеса дикого, стихийного, неуправляемого... я не буду говорить про карточки москвича – мое поколение их прекрасно помнит, не буду упоминать про ряды торгующих у музея Ленина, смотрящихся как издевка над вечным трупом.

Мы с матерью жили весьма интересно – и нельзя сказать, чтобы плохо. Матушка вписала в карточку москвича какую-то несовершеннолетнюю сестру Свету, которой, конечно же, никогда не было даже в проекте, и продуктовые пайки мы получали не на двоих, а на троих. Кроме того, Хозяин свел меня с мясником в магазине, который сейчас принадлежит некоему Панину и располагается возле метро улица Подбельского. Народ получал по карточкам кости и жилы. Я спустился в подвал и по знакомству брал мясо, срубленное с этих костей.

С Хозяином у нас проблем тоже не было – прямо по диагонали от матушкиной пятиэтажки, правее от торца отделения милиции стоял – да и сейчас стоит – известный всему району Пьяный дом. Знаменит он был тем, что в самые жестокие засушливые годы в нем свободно продавалось и вино, и водка. В каждой второй квартире коридоры были заставлены ящиками. В любое время дня и ночи страждущий Хозяйского дурмана мог позвонить и получить по завышенной, естественно, цене, желаемое зелье.

Очевидно, что менты с каждой квартиры получали свою мзду; и, вообще-то говоря, торговать спиртным в те годы было, как всегда, выгодно и фактически ненаказуемо. В соседнем доме непьющий Сережа, здоровенный пузатый губастый мужик, всегда держал десяток бутылок портвейна в разных тайных местах – я лично, уже попав в зависимость от Хозяина, бегал к нему много раз.

Да и к нам постоянно забредали личности самого дикого и опустившегося вида – в Пьяном доме торговля началась с квартиры тридцать шесть, мы живем под этим же номером. Так что, получив наколку – квартира тридцать шесть в доме возле ментовки, отупевшие от близкого общения с Хозяином забулдыги напрямик перли в дом напротив ментовки. То есть к нам... и едва на колени не падали, упрашивая продать хоть пузырек – пока, наконец, информация не доходила до проспиртованных мозгов. Тогда ханурики рысью мчались в другой дом у ментовки и получали желаемое.

Но мы услугами Пьяного дома пользовались недолго – матушка открыла другой, исконно русский способ служения Хозяину. Мы стали самогонщиками...

Причем самогонку мы гнали – кто бы мог подумать – облепиховую. На даче эта южная ягода разрослась в огромных количествах; мы делали из нее компоты, закрывали на зиму с сахаром, даже масло умудрялись варить. Но все равно на ветках оставалось довольно много для стай дроздов, и свежей собранной ягоды достаточно для бражки. В самом деле – ну как еще использовать целебный плод? Кладовка заставлена банками друзьям и знакомым отдано столько, сколько позволит жадность унести... торговать на рынке менталитет не позволяет. Так что поневоле приходилось делать пахучую брагу и потом гнать из нее желтоватый первач. Забавное было пойло, как сейчас помню. Мозги отшибало напрочь – но при этом какая-то часть целебной силы облепихи там сохранялось. Соседка Танька – бывшая жена того самого Саши, сидельца, сына тети Тамары из коммунальной квартиры – постоянным употреблением облепихового самогона даже вылечила себе язву.

Как ни странно, но язву себе в тяжелые для русских алкашей времена залечил себе и отец. Когда встал выбор – быть верным Хозяину и скорее всего умереть от суррогата, либо круто развернуть судьбу и продолжать жить, он решительно остановился на первом. Но был

более благоразумен и ниже лосьона «Пингвин» не опускался. Те, кто пили политуру, тормозную жидкость и клей БФ – вымерли. Те, кто пил чистый спирт с парфюмерной отдушкой («Розовая вода», элита среди питьевой косметики. Чистый спирт – как говорил один знакомый – глотнешь, а потом розами во рту пахнет) выжили и даже поздоровели...

Лосьон «Пингвин», кстати, перед самой армией пробовал у него и я. Помню, что не превратился в сосульку, это точно, но и прелести «Розовой воды» не ощутил...

Мы гнали самогонку, отец в это время жил так, как всегда мечтал – нигде не работал, зато на регулярные выдачи с бабкиной пенсии бегал к платформе Перово и покупал каждый день по два стакана вина. Оно продавалось в разлив из бочки на колесах гостями с Кавказа...

Сначала отец сопротивлялся напору Хозяина и поддерживал видимость жизни – по крайней мере маленькая комната, та, в которой сейчас живет Егор, принадлежала ему. В большой жила бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.